

Е. В. Киринчук

ПОВЕСТИ О КАЗАКАХ АЛТАЯ

ООО «МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ ЦЕНТР ЭЛЕКТРОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ»

Барнаул • 2015

Евгений Викторович Киринчук

Повести о казаках Алтая

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19415026
Повести о казаках Алтая: МЦ ЭОР; Барнаул; 2015*

Аннотация

Книга посвящена забытым подвигам сибирских и алтайских казаков.

Содержание

Сказ о том, как казаки Белоярскую крепость ставили	5
Часть 1	5
Часть 2	12
Часть 3	15
Часть 4	23
Часть 5	29
Часть 6	36
Белоярские казаки на Кузнецкой линии	56
Часть 1	56
Часть 2	69
Часть 3	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

**Евгений Викторович
Киринчук
Повести о казаках Алтая**

Текст опубликован в авторской редакции

Сказ о том, как казаки Белоярскую крепость ставили

Часть 1

Апрель 1717 год. Славно весной в Кузнецке, сосны над берегом раскинули лапы и напивавшись солнцем отдают золото стволов и пьянящий запах хвои всему свету. По сопкам вокруг острога чернели пихты пахучие и кедры кормильцы. Лёд сошёл, Томь и Кондома радуясь свободе кружатся в омутах, шумят и как девчонки вырвавшись из зимней избы на весенний лужок, разлились журчанием своим как смехом. Берёзки жмурятся от лучей, сбившись в околки, нарядились в серёжки и ждут зелени кучерявой. Под горой острог, как строгий дядька следит, чтоб не шалили, и щерится, бойницами на солнышке разговевшись. Не простые были последние годы у острога Кузнецкого, беспокойные. То калмыки, то джунгары пытались спалить, отбились, пушками да смелостью казаки отогнали. Ныне же спокойно часовому земли Русской, отошли в горы и степи инородцы воинствующие и Слава Богу.

На берегу Томи, в версте от острога сидит казак служивый, лет ему тридцать не более, видно рыбалить собрался

тальменя, да призадумался и забыл о рыбалке. По справе и одежде не из простых, видать казак-то. Кафтан малиновый не новый, да богатый, да кушак синий, да шапка соболиная с алым верхом. Сапоги новые с острыми носками и мягкими ноговицами. За поясом пистоль в серебре и нож хорошей работы, рядом сабля турхменская, видно у кыргыз с боем взята. Сам казак роста чуть выше среднего, широкой кости. Лицо загорелое, почти черное, хиусом копчёное и поэтому глаза голубые и волос русый бороды и усов, как-то ярко и не по-местному выделяются. Нос прямой, высокий лоб с сабельным шрамом. В руках крутит лесу, видно так и не приладил к удилищу, в думе казак.

– «Яков говорил ныне, с Томска конный нарочный прибёг с грамотой. Неужто опять поход на джунгаров? Царь Пётр не простит сожжённого Бикатунского острога телеутам. Если поход, буду проситься, хоть в десятники, да поди-ка возьмут, должны взять, я дорогу знаю, с Яковым ходил. Языки ихние разумею, малым выучил, да и поквитаться с косоглазыми ой как надо», – казак не нарочно погладил шрам на лбу и вспомнил тот удар кочевника, полученный в бою с калмыками.

– Иван, а Иван, ты где? Да что б тебя, э-эх!

Казак вскочил, и рука зараз схватилась за рукоять сабли.

– Кто там, кого черти несут? Выходь, а то срублю!

Из кустов вывалился как гора казак, перепачканный грязью.

– Не шали Ваня, я это Стёпка Серебренников, саблюку убери, наколишь.

– Здорова Стёпа, а ты чёй это в грязюке-то, а? – Иван незло засмеялся.

Серебренников вытирая грязь ворчал:

– Пока тебя найдёшь, все лужи облазишь, посклизнулся, вот и в грязюки, мать её! Тебя Иван, Яков с Синявиным зовут, говорят срочно. Пойдем, бросай своих тальменей, да их и нет. Ну и рыбак Ваня из тебя.

Степан, наконец-то обтерся от грязи и стоял перед Иваном улыбаясь.

– Пошли.

Казаки вышли из прибрежных кустов и направились в сторону острога. Недолго пройдясь подошли к воротам, Степан остановил Ивана и заговорил:

– Вы Максюковы на походы везучие. Если куда пошлют, ты Ваня, меня возьми, засиделся я тут, мхом покрылся.

Иван Максюков оглядел Степана. Здоровенный казачина тридцати пяти лет, с чернявыми кучерявыми волосами и бородой, Степан походил на цыгана и, если бы не серые глаза, то сошёл бы за басурмана. Серебренников был казак шальной, известный своей силой и хитростью. Когда три года назад джунгары держали в осаде Кузнецк, Степан вызвался охотником за языком и один притащил двух князьков, правда, один задохнулся в смерть по дороге. За смелость, был назначен пятидесятником пеших казаков. Тоже чин не малый,

дворянский.

– Да я-то Стёпа с великим удовольствием, если меня пошлют.

– Смотри Иван, пообещал казак, держи слово. Давай к воеводе Овцину, там тебя ждут.

В воеводской избе собрались на совет: комендант полковник Борис Синявин, голова конных казаков Яков Максюков, войсковых дел подьячий Степан Тумашев и сам воевода Михаил Васильевич Овцин. Иван зашёл, перекрестился на образа и поклонился собравшимся.

– Доброго здоровья воевода...

– Проходи, Иван, садись и слушай, – ответил воевода Овцин. – Бумага пришла от князя Гагарина, надобно острог Бикатунский ставить вновь. Слушайте, Тумашев чти.

Подьячий начал читать грамоту:

– «Воеводе Кузнецкому Михаилу Овцину и коменданту полковнику Борису Синявену, вскорости на Бии и на Катуні построить город в крепком месте и посадить служилых людей и начального человека доброго, також острог на Алтыне-озере из которого течёт Бия-река, и в иных местах – на Чумыше и в ясачных волостях остроги строить же...»

Воевода прервал подьячего.

– Бориска, ты писал князю Гагарину?

– Я, Михайла Васильевич, – полковник Синявин встал.

– Дак, где я тебе людишек-то наберу, сами год с неболь-

шим только без осады, да сядь ты ужо.

– Великий государь Пётр Алексеевич...

– Знаю всё полковник и про гнев государев по сожжённому Бикатунску и что писать ты талант превеликий имеешь, сядь, сказал, не доводи до греха!

– «Да с людишками-то у нас туго», – подумал Иван и тут же не утерпел:

– Пошли меня воевода, не пожалею живота.

– Молчи Иван, – старший Максюков дёрнул брата за рукав. Он-то знал все трудности предстоящего похода, Бикатунский острог он ставил, да не удержал его Андрейка Попов, оставленный там за приказчика. Хоть и хороший вояка Попов, а с сотней казаков против четырёх тысяч джунгар не устоять никому. В осаде Бикатунска казаки и младшой Иван героями стояли, но против силы не попрёшь. Девять дней стойко оборонялись казаки кузнецкие. Пришлось уйти.

Воевода посмотрел на братьев и сказал.

– Ходили ужо казачки и что? Ладно идите, думать буду. А ты Ванька, коли выскочил, тебе и быть головой в походе. Всё, не до вас, буду ответ князю Гагарину писать, идите с Богом.

Братья Максюковы вышли на площадь. Яков схватил Ивана за грудки и в бешенстве заговорил:

– Ну куда ты лезешь братушка, совсем голову потерять хочешь. Джунгары это тебе не телеуты или кыргызы, они вояки добрые.

– Да не хватай ты меня Яша, не малолеток я тебе, в на-

чальные люди вышел, а ты всё как с малым говоришь.

Яков отпустил Ивана и они молча пошли к себе в избу. По дороге домой Яков вспоминал, как, когда были малыши, напали на их заимку ойроты. Как погибли 12 казаков, но побили человек 40 телеутов. И побили бы больше, но не оружные были казаки, во время налёта с бреднем рыбу ловили, и пищали с пистолями у избушки кинули. Батька Фёдор бросился к заимке отбиваясь саблей, спасти жену с детишками и уже пробился было к ним, но арканами споймали его нехристи и, оглушив дубьём, связали и утащили в полон. Вспомнил, как когда-то их связанных гнали в тайгу, поганые добились раненых и спалили заимку. При налёте нехристей и они всей семьёй попали в плен к ойротам. Полгода просидели у басурман, мать там и захворала. Вспомнил, как отец, казак Фёдор Максюков, задушив двух сторожей, тайгой вел неделю их в Кузнецкую. Добрый был казак Фёдор Максюков и стал головой пеших казаков, но сложил голову при осаде Кузнецка джунгарами, не углядели за батьком. Мать померла уже лет десять как, вдвоём они с братом остались. В Кузнецке Максюковых уважали за смелость и смекалку. Яков дослужился из простых казаков до дворянского чина и стал головой конных казаков. Оженился Яков, детишки пошли. В плену младший Иван выучил язык ойротский и калмыцкий. Когда повзрослели и пошли на службу, Яков, будучи уже головой казацким, брал Ивана толмачом. Иван помладше на пять годов, бобылём живёт, но немногим отстал от брата,

конных казаков пятидесятник, да толмач, дворянин служивый одним словом. Яков жалел брата и нашёл было ему невесту, но брат горячий, снова на службу напросился, а вернётся или нет, как Бог решит.

– Ну да Бог не без милости – казак не без удачи, – вслух проговорил Яков.

– Ты братка о чем? – спросил Иван.

– Да так, жениться тебе нужно Ваня, может, успокоишься.

– А вот вернусь, и оженишь меня.

– Ну, дай Бог брат, пошли уже до дому.

Часть 2

Прошёл месяц. К суровой зелени тайги добавилась изумрудность берёз и осин. Рядом с острогом поднялись посевы и на огородах бабы забелели платками. Лето, жаркое марево не выпускает людей из тени.

А в самом Кузнецком суета и сборы. С ближайших острогов пришли казаки и служилые татары для похода. Свои кузнецкие казаки, с Мунгатского острога казаки с пушками малыми, с Бердского острога казаки и татары, калмыки ясачные, татары тюлюберские и крестьяне меретские. Всего 750 человек. Всех кого могли, собрали воевода Овцин и полковник Синявин. И пушек дали, две медных, две больших железных, к ним 160 ядер и дробь железной два пуда, шесть пушек малых железных же, к ним 320 ядер. Пять знамён полковых, силища великая! И голова всем Иван Максюков, а при Иване грамота:

«1717 году. Память кузнецкому дворянину Ивану Максюкову. Сего 717 году по указу Великого Государя за подписанием руки губернатора Сибири князя Матвея Петровича Гагарина велено на устье Бии и Катуня сделать город в крепком месте и посадить кузнецких служилых людей и начального человека доброго. И тебе по наряду взять из Кузнецка служилых людей 150 человек, обинских служилых татар 10 человек, подгородных выезжих белых калмыков 20 человек,

мунгацких беломестных казаков и казачьих детей, и оброчных людей, и тюлюберских татар 104 человека, мерецких деревень жителей сколько будет принято у сына боярского Ивана Гвинтовкина, да в Кузнецке взять 5 знамен полковых, две пушки медных, две пушки больших железных, к ним 160 ядер, дробы железной два пуда, шесть пушек малых железных, к ним 320 ядер, пороху пушечного 11 пуд 20 фунтов, ручного – 60 пуд 30 фунтов, свинцу 5 пуд, кремней, и ехать тебе с вышепомянутыми всяких чинов служилыми людьми для строения города на вышепомянутое урочище и осмотреть удобные места, где быть городовому строению, дабы были б места хлебопахотные и всякими угодыми предовольны, и, ежели где такое удобное место сыщется, строить новую деревянную рубленую крепость четверугольную, с башнями, с поспешением и сделать городовому строению чертеж подлинный.

Будет к вам присланы от калмыков посланцы о выговоре того строения, и тебе говорить с ними, что та земля нашего Великого Государя, и, выговоря с ними, против [того], с чем они будут посланы, держать их за караулом, а одного из них, калмыков, отпустить и сказать ему, дабы он сказал: от кого был прислан, чтоб они в строении городов Царского Величества людям помешательства никакого не чинили, понеже та земля вверх по Оби-реке по левую сторону и до Алтына-озера Царского Величества, а других держать за караулом вместо аманатов. И, как милостью божьей строение совершится, и тех калмыков оставить в крепости вместо

аманатов и держать за крепким караулом до указа, а корм давать им довольно...»

Часть 3

Яков Максюков заметил, что Иван за время сборов повзрослел и серьёзней стал. Сам проверял справу у казаков и служилых, осмотрел каждую пушку вместе с пушкарём Иваном Юдиным. Запасы харчей доверил проверять Степану Серебренникову, не забыл казака, взял с собой и назначил головой пеших казаков на время похода. Степан от предчувствия дела вроде как ещё вырос, и его громадная фигура была, кажется, везде и голос стал такой, аж кони приседали. Татары и калмыки глядя на Серебренникова шептали «Шайтан батыр» и старались не маячить перед ним.

Яков глядел на эти сборы и не мог найти себе места. Его младший Ваня, голова большого отряда? А его, Якова, не пустили, «Кузнецкий без казаков не выстоит в случае набега джунгар. Тебе Яков головой казачьим, в остроге и оставаться», – так Синявин приказал. Воевода же Овцин поёрничал – «Ты, Яша, ходил ужо, дома посиди».

Вечером перед выступлением отряда сидели дома Яков и Иван, хотел Стёпка Серебренников напроситься, но отвадили, все же попрощаться братьям надобно.

- Ты, Иван, смотри, не лезь на рожон. Ты теперь не простой казак, а голова отряда, больше полтыщи вояк на тебе.
- Да я, Яша, понимаю, всё ты меня за малого держишь.
- А кто ты? Ты для меня всегда малой будешь, хоч и вояка

уже знатный и заметки от сабли имеешь. Я, брат, не учу, а поучаю, ты с инородцами осторожней смотри, не ровён час продадут своим басурманом.

– Да за ними Степан глядит, они его слышал уже Шайтаном зовут, не забалуют у Серебреникова. Не бойсь.

– Да Стёпка сам шабутной как цыган, хоч и громада, хотя ладно.

– Да не горюй ты брат, вспомни, как батя говорил, про-рвёмся.

– Ладно, спим.

А не спалось никому из братьев. Так и лежали в тёмной избе, думая каждый о своём.

Наутро 16 июня 1717 года отряд Ивана Максюкова вышел из Кузнецкого острога и двинулся в сторону отрогов Салаира. Пока шли близ Кузнецка дорога была знакома. Ходили не раз и за ясаком, и по воинскому делу. Кузнецким казакам путь этот ещё с 1709 года знаком, тогда казаки со старшим Максюковым ходили до Бии и Катуня острог ставить. Год простояли в Бикатунском, пока ойратский тайши Ездень-Духар с ойратами и белыми калмыками не сжёг острог. Натворили тогда калмыки бед, несколько деревень русских сожгли, людей, кого до смерти побили, кого в полон увели. За недолгое время службы в Бикатунсом, Иван сдружился с телеутским князьком Чеоктоном. Беззлобный был князец, к казакам относился хорошо, помогал, чем мог. Так его, Чеоктана, князец калмыцкий Байгорок словил и казнил лютой

смертью, в угоду джунгарским князьям. У живого глаза вынул, и ремни из спины резал, и повесил его на дереве. Чтобы другие русским не помогали, сделал это Бойгорок Табунков, но не всех испугал. В 1714 году телеуты помогли казакам и указали, где зверёныш этот прячется. С боем взяли казаки в Кыштымской волости улус Бойгороков и отвели душу за Бикатунск. Порубили почти всех калмыков, ушли немногие. Байгорока в полон взяли, там-то и получил сабельный шрам Иван, от батыра Алейки Мунгалова. Ушёл тогда Алейка с немногими воинами, бросил князька своего Бойгорока.

Шли по тайге в боевом строе. Впереди конные казаки с татарами и калмыками ясачными, в середине пешие казаки с пушками, замыкали отряд служилые и крестьяне, вызвавшиеся идти на новые земли. Проходя гари сожжённых калмыками деревень, зорче смотрели по сторонам, азиаты войны из засады добрые, а в открытом бою шли только десять на одного казака. По Салаирскому камню богата тайга зверем всяким, особенно соболем. Служилые из крестьян дивились богатству этому и всё пытались добыть соболя. Пришлось Максюкову отправить два десятка казаков конных с десятником Фёдором Безсоновым в конец отряда, чтобы не давали ломать строй мужикам и подгоняли особо рьяных промысловиков нагайками. Не до промысла, надобно быстрее до Бии дойти, пока джунгары с немирными калмыками не пронюхали и не собрали улусы свои на войну.

На подходе к реке Бехтимир Иван подозвал к себе Степа-

на Серебренникова.

– Степан, выдели людей охотников, пусть версты две впереди идут в дозоре и если джунгары или ещё какие иноверцы попадутся, языка берут и ко мне бегом.

– Да я сам, Иван, пойду, не впервой, чай.

– Нет, Стёпа, ты мне при отряде нужен за нашими татарами смотреть. Из бердских казаков кого пошли, они хваткие и пешими быстрее конного по тайге пройдут.

– Ладно, Иван, будь по-твоему.

– Да, Юдина Ивана кликни ко мне.

– Юдин, пушкарь, к голове – рывкнул во всё горло Серебренников.

Пушкарь Иван Юдин был казак лет пятидесяти. Невысокого роста с сизой бородой и усами от порохового дыма, широкой кости, говорят, когда лет пять назад в походе у воза с ядрами и порохом сломалось колесо, так Юдин подлез под телегу и держал её спиной, пока колесо не поменяли. Был с людьми Юдин всегда молчалив и казалось, что без пушки жить не может, слышали казаки не раз, как он со своей пушкой разговаривает, как с девкой. Дивились этому, но знали, пушкарь он добрый и прощались ему эти странности.

– Звал голова?

– Звал, как там, Иван, хозяйство твоё пушкарское?

– Коням передых нужен, притомились.

– Ладно, кричи привал. Ставь пушки по кругу, беспокойно в тайге. Видишь, птица поднялась впереди нашего ходу.

Юдин кивнул и молча пошёл в середину отряда. «Молчун», – подумал Максюков глядя в широкую спину уходящего пушкаря и вспомнил, как при осаде Кузнецка, Юдин на спор с казаками сбил ядром скачущего на полном скаку калмыцкого батыра.

– Привал! – крикнул сам Максюков.

Встали лагерем на берегу Бехтимира. Максюков со Степаном Серебренниковым обошёл лагерь и вернулись к костру головы.

– Кого, Степан, в дозор послал?

– Бердских с десятником Ванькой Харевым, как ты и велел.

– Ну и ладно. Как татары твои с калмыками?

– Да что им, иноверцам будет, вроде смирные. Я их пока с казаками вместях поставил, пусть учатся воинскому делу пока в походе. Дикие они, чуть что, трясутся и по-своему лопочут, но не что, казаки их научат разуму.

К вечеру от реки слышали крики дозорного казака Сафона Зудилова:

– Стой, куды плывёшь, морды некрищёныя. Щас с пища-ли пальну.

– Не стреляй, свои. Харев с языком.

– Веди к Максюкову голове, он разберётся, что за иноверца притащили.

К костру Максюкова подошли десятник Харев с казаками Кириллом Белых и Степаном Кротовым, бывшие в дальнем

дозоре и подвели языка телеута. Телеут трясся от холода и страха и не понимал, как его, великого охотника тайги, могли схватить эти неуклюжие урусы?

К костру подошёл Серебренников с десятником Безсоновым.

– Кого припёрли, казачки? О, язык, сейчас поговорим, – рывкнул своим громовым басом Степан.

Телеут, раскрыв рот и забыв про страх, вдруг громко сказал, глядя на Серебренникова:

– Шайтан-батыр.

– Опять шайтан, вот и этот заладил. Казак я, понял, нехристь?

– Казак-Шайтан – повторил телеут.

– Уведите языка, накормите и у костра обогрейте. Сейчас с него проку мало, – приказал Максюков. – А ты Харев, говори, где нехристя спеленал?

Сели у костра, развешали мокрую одежду, и Иван Харев начал рассказывать, как языка взяли.

– Переправились мы с казаками через Бехтемир-реку и прошли версты две. Тут я указал казакам, где дозор ставить, а сам, взяв этих двоих, – Иван указал на Белых с Кротовым, – отошёл ещё на версту и залегли в схорон. Часа два лежим, вроде тихо, тут Стёпка Кротов меня в бок тычет и показывает влево. Глядь, косоглазый крадётся в сторону дозора, нас не чует, в руках саадак со стрелой, но не воинский, охотничий саадак то. Я Кирилке Белых приказал слева обойти

нехрестя, а Кротову справа, по сигналу кинулись, да повязали телеута. Правда, брыкался он, пришлось Белых его по голове кулаком угомонить, верткий охотник, а с удара пал бревном. Думали, зашиб его Кирилл, пока к дозору тащили, оклемался любезный. Дозору указал оставаться на месте и смотреть в оба, за старшего оставил Саву Понкратова. Вроде как всё рассказал.

Максюков, выслушав Харева, заговорил.

– Лады, идите отдыхайте. Обсохните и опять в дозор. Степан, давай-ка сюда языка и толмача кликните.

– Тебе толмач-то зачем, Иван, сам же языки разумеешь, – спросил Серебренников.

– А проверить хочу, не утаит ли чего толмач Одняков, вот и посмотрим, надёжный ли он.

Подошли толмач из абинских татар Бокарач Одняков с Серебренниковым, Безсонов подвёл языка. Увидав толмача, телеут вроде повеселел.

– Бокарач, спроси его, кто он и из чьих улусов будет.

Толмач спросил на телеутском и язык подняв гордо голову заговорил что-то на своем.

– Переведи Бокарачка, – не вытерпел Серебренников.

– Он говорит, зовут его Алмачи из улуса Манзу Бодоева. Кочевали они за Обью-рекой, а сейчас на Бии кочуют. Позвал их туда контайши из Урги Журыхту, чтобы вместе с улусами Шалда Сенкоева, Карасай Тайнорокова под Кузнецк идтить войной вскорости.

– Вот те и поставили острог на Бии и Алтын-озере, – проворчал Серебренников.

– Спроси сколько войска у них там.

– Говорит половина тумена.

– Пять тыщ? – Безсонов аж свистнул от удивления.

– Уведи его Бокарачка, да смотри, головой отвечаешь, понял? – Максюков строго посмотрел на толмача.

Якши, понял голова – Одняков что-то сказал по-телеутски и они пошли с языком от костра Максюкова.

Сидели и думали, как поступить дальше. Что на Алтын-озере острог не дадут поставить, это факт. Слишком мало казаков и служивых, чтобы с пятью тысячей джунгар и калмыков сладить. Они там дома и знают каждый овраг и каждую гору. Пока идти будут казаки, их из засад басурмане всех перебьют. В обрат нельзя, указ царский под плаху подведёт, да и не затем шли, чтобы сразу домой бежать. Решили с утра выступать до Бии, а там как Бог даст.

Часть 4

Спокойна река Бия, не то что сестра её Катунь. Течёт Бия плавно, как лебедь плывёт, огибая острова, поросшие тайгой. Мягкие песчаные плёсы, как крылья раскинулись по всему течению до слияния с непокорной Катунью. Катунь же как бешеная лошадь, не понять её. То мчится она по перекатам, снося всё на своем пути, то спокойно бежит, точит камни. Две реки, как две сестры и как у людей ведётся, разные.

На Бию вышли на седьмой день пути. Встали лагерем и разослали разъезды конные вверх и вниз по течению. На другой берег отправили Ивана Харева с казаками, проведать сторону неприятельскую.

Десятник Харев Иван из яицких казаков, годов сорока. Был он небольшого роста, сухой и поджарый. Глаз имел вострый и всегда первый замечал врага. Характеру неугомонного, не мог долго усидеть на одном месте. За свою долгую службу побывал и на Яике, и на Каме. Служил в Томском остроге и в Тобольске городе, побывал и в конной службе, и в пешей, на лыжах бегал до Ленского острога. Много повидал на своём веку. Будто для разведки родился казак, что не раз и доказывал. Казаки его десятка были все как на подбор своему десятнику, все живые и неуёмные. Дружок его Кирилла Белых, спрашивал Ивана не раз, – «Столько лет ты Иван в службе, должен уж атаманом быть», – на что Харев

отвечал, – «Атаманы завсегда пузатые, а у меня порода гончая, не вышел худостью, в атаманы-то», – и смеялся.

Через Бию Харев с казаками переправились на лодках, взятых с собой из Кузнецкого. Оставив с лодками Лукьяна Бабинова и Спирьку Шепунова, кустами казаки осторожно вышли вглубь левого берега Бии.

– Пройдем версты три вглубь, держитесь друг от друга локтей десять. Айда братушки, – шёпотом приказал Харев.

Пройдя версты с две Степан Кротов учуял запах дыма. Прокрякал уткой, знак тревоги, казаки бесшумно собрались вместе.

– Где-то рядом барана жарят, никак калмыки немирные гуртом стоят, – проговорил Кротов.

– Тебе бы Стёпка, всё про жратву, – пытался пошутить казак Чибин.

– Молчок, балагур. Щас косоглазые повяжут и из тебя шулюм-булюм сварганят, – пригрозил Харев.

– Давай, Стёпа, бери с собой Ерофеева и глянь, что там за улус стоит, только тихо пищальки тут бросьте, саадаки только и ножи возьмите. С Богом односумы.

Два казака бесшумно исчезли в зарослях ивы. Оставшиеся казаки легли спиной к берегу и затаились, взяв пищали и пистолы наизготовку к стрельбе. Час прождали, тишина.

– Иван, не глянуть ли мне, чёй-то долго наши, а? – не вытерпел Чибин.

– Лежи молча, язык потерять могёшь. – урезонил его Ха-

рев.

Чибин что-то пробормотал себе под нос и успокоился. Через полчаса, где-то рядом послышался лёгкий шум. Харев крикнул вороной, в ответ крякнули.

– Наши, Стёпка с Лёшкой!

Из ивняка появились казаки, посланные в разведку. Бесшумно подкрались к своим и заговорили.

– Калмыки, точно воинские. У каждого оружия всякого и баб рядом не видать. Юрт двадцать насчитали. Не иначе те, что на Кузнецкий войной хотят идти.

– Давайте-ка ребятки до Максюкова в обрат. Неча нам тут боле делать.

В лагере их уже ждали. Давно уже вернулись конные с верхов Бии и с низов. Безсонов, ходивший в верха, доложил, что там калмыки в верстах пяти тысячи две, готовятся к переправе. С низов пришёл Серебренников, там спокойно пока. Выслушав всех посланных, Иван Максюков решил пугнуть в верхах калмык с телеутами, а самим идти вниз к Оби и там искать место для острога.

– Степан Серебренников, возмёмшь пять лодок по десять казаков с пищалями и три малых пушки с картечью. Безсонов, возмёмшь сотню казаков конных и всех татар конных, пойдешь со Степаном берегом до места, где калмыки переправу ладят. Выйдя на берег, делайте вид, что переправляться будете. На берегу шумите больше, пусть косоглазые думают, что вас там сотен пять. Серебренников в это время лодки

спустит и сделает вид, что вверх к Алтын-озеру пойдёт. Как только калмыки увидят и кинутся на вас, стреляй картечью на их берег. Сам, пройдя версту, вверх поворачивай и вниз на Оби встретимся. Я с остальными людьми пойду к Оби и там тебя ждать буду лагерем и встречу их там большими пушками. Безсонов же, как только Степан вниз пойдёт, давай своим берегом, конным ходом за Степаном вниз. Помогай нам Бог, братцы!

Разделились, пошли, как задумали. Как только Серебрянников с Безсоновым вышли на берег, где калмыки переправу ладили, басурмане завизжали по-волчьи и начали стрелы пускать. Казаки дали два залпа из пищалей и начали спускать лодки с пушками. Калмыки поняли, что казаки не собираются уходить и притихли, ожидая, что будет дальше. На берегу, напротив лагеря Максюкова, калмыки стали спешно собираться и пошли вверх, где палили из пистолей казаки Безсонова. Казаки и татары Безсонова подняли такой шум, будто войско подходит не менее тыщи. Безсонов заставил своих татар ездить туда-сюда, чем создал вид, будто войска всё прибывают для переправы. Казаки же конные постреливали из всех стволов в сторону берега противника, стрелы калмыков не долетали до них.

– С Богом, Фёдор, мы двинули вверх, – сказал Серебрянников, когда лодки все были спущены, – давай берегом не зевай. Коли калмыки попытаются переправиться, сбивай их огненным боем, в сабли не лезь.

– Добро, Степан. С Богом!

Лодки пошли вверх по течению, глядя стволами пушек на левый берег. Как только калмыки с телеутами поняли, что урусы идут вверх, вновь взвыли и начали пускать стрелы. Чтобы попасть в казаков, сидящих в лодках, они подошли ближе к берегу. Вот тут-то и вдарили по ним пушки Юдина картечью, да так, что человек десять басурман полегло зараз. После залпа пушек казаки вдарили из пицалей и вновь пушки огрызнулись на неприятельский берег. Телеуты и калмыки кинулись прочь от берега, в диком ужасе кидая убитых и раненных.

– Иван Харев, давай со своими на их берег. Шуганите нехристей подальше, на обратном пути добро подберите. – Пробасил над Бией Серебренников.

– Добро Степан! Гуляй веселей казачки, с пицали бей и на берег в сабли! – Радостно прокричал Харев.

Высадившись на неприятельский берег, казаки Харева не догнали никого. Разве догонишь кочевника в поле, когда он убегает? Собрав кинутое оружие, погрузились на лодку, и пошли за остальными вверх по реке. Так прошли версту вверх по Бии на лодках и конно по правому берегу, не встретив более нигде кочевников. Пристав к берегу, Серебренников с Безсоновым решили постоять часа два, чтобы Максюков успел спуститься к Оби и встать там лагерем.

Голова же Максюков в это время с остальным войском спешно спускался к Оби, пройдя часа два, он разбил лагерь,

установил пушки и стал ждать Серебренникова с Безсоновым. К вечеру подошли на лодках казаки Степана и конные Безсонова берегом. Встретились. Стали думать куда дальше идти.

– За нами они сейчас не пойдут, испугаются. Шуганули их, слава Богу, аж сам испугался. Да и думка у них сейчас, что мы вверх по Бии пойдём к Алтыну. – Говорил Степан Серебренников. – Правый берег Оби здесь топкий, болото. Так что острог не поставит. Думаю нам надоть берегом Оби ниже идти, авось найдем, какую горку посуше. Ты как голова думаешь?

– Да пожалуй, что так. Пустим пару лодок Обью, остальные берегом вниз. Коли найдём место под острог, отсидимся и вернёмся позже на Бию. Тут хоть плачь, а указы царя выполнять нужно.

Понимал Иван Максюков, что идти ему всё одно на Бию нужно. Не поставишь там острог, так и будут басурмане набеги на Кузнецк делать. Дорога там одна, не свернут басурмане.

Так и пошли Харев со своими казаками на двух лодках по берегу, с ним Безсонов с пятью десятками конных казаков и двадцатью татарами. Максюков же с основным отрядом пошёл сухим путём верстах в десяти от Оби вниз по её течению.

Часть 5

Обь-река, островная красавица. Течёт она не быстро, не медленно. Как будто чувствует свою силу и не тратит напрасно. Правый берег низкий весь в заливных лугах, привольно здесь пасутся косули, кабаны да лоси. И места всем вдосталь. Левый берег крутой, как гора и надменный, как князёк калмытский. Смотрит левый берег Оби как-то с превосходством на низкого брата правого, труженика. На островах по омутам гусей и уток тыщи, в тихих заводях лебеди-цари спокойно держаться парами. Чайки-баламуты с криками носятся над водой. Рыбы столько, что когда на нерест идёт, кажется, что течение в обрат движется. Вот такая она Обь-красавица.

На лодке спор, Лука Бабинов с Савкой Инюшенным заспорили, какая рыба вкуснее.

– Я те точно гутарю, щука варёная вкуснее тваго судака раза в три, или пять, – горячился Савка.

– Да грызи ты щуку свою, зубы не сломай, судак жирнее и мягче, – отвечал Лука.

– Ну, ты-то видать сломал зубья-то все, вот и хаешь щуку!

– Хош сунь палец, покажу зубы-то. В носу потом чем ковырять будешь!

– Не едали вы, братцы, осетра яицкого, вот царь-рыба, а что щука, что судак против осетра вошь непотребная, – пошутил Иван Харев, – вот у нас на Яике рыба! А здесь так,

мелочь.

Со старшим не стали спорить, промолчали. Да и сам Иван замолчал. Вспомнил Яик родимый, Гурьев – городок, где родился, и детство пробегал казачонком босоногим. И так защемило сердце, аж лицом потемнел.

– Ты что это, Иван, захворал? – спросил односум Кирилка Белых.

– Да нет, брат, родные места вспомнил. Двадцать годов, как ушёл с Яика казаковать в Сибирь, соскучился по родным местам. Видать не попаду уж туда.

– Ты брат, не кручинься. Поставим острог, жён, даст Бог, заведём, пора уже думаю, ты как?

Наверное, прав ты Кирилл. Сорок годов, а всё бобыль, де-тишков хочется, да и спокойствия тож.

Так спускались казаки Обью, за разговорами поглядывая на не мирный левый берег. Прошли Чарыш-реку, где на берегу стояла одинокая бедная юрта. Останавливаться не стали, долго калмыкам не до казаков будет, на Бии напугали знатно. Прошли Алей-реку. На берегу Алея шёл какой-то кочевой народ малый, пальнули из пищали и убёгли степняки от реки. Шли, на ночёвку приставая к правому берегу, где их ждал костёр, разведённый казаками Безсонова. За день на реке ловили рыбу обскую, на ночёвке варили её и жарили. На третий день подошли к Барнаулке-реке. Сосны на высоком берегу, качая лапами, звали в гости. Красивый берег левый, да опасный, не пристанешь, калмыки как раз по левому

и кочуют. К вечеру зашли в Усмар-курью, протоку обскую и хотели уже пристать, как прибёг верхами казак от Максюкова и велел далее идти по протоке этой. Нашли они берег сухой и высокий. Двинули дальше. И вот видят казаки с лодок берег высокий и белый в лучах заходящего солнца.

– Экий яр белый, гляньте казаки, – вскрикнул Спирька Шепунов, – красота!

Пристали к берегу, где чуть выше на горке, разбил лагерь Максюков с основным отрядом.

Подошёл Степан Серебренников:

– Становись казачки на ночлег. Выставь, Харев, караул по берегу и спать братья. Утром смотреть Белый Яр будем, можа подойдёт для острога.

Так и сделали.

Утро на берегу Усмар-курьи солнечное. Поднимается солнце над огромным лугом поймы Оби и негде ему зацепиться, только яр белый. Его-то и зацепило лучами своими и аж само от белизны зажмурилось. Берег высокий, белой глины, отражает солнечные лучи и кажется, будто снегом покрытый. На горке сосны великие, как зелёной шапкой покрыли седую голову берега. Протока под высоким берегом, спокойная и тихая, подковой огибает почти всю горку и от этого кажется ещё выше и красивее Белый Яр. На север протянулся на сколько хватает глаза, бор сосновый. На юг огромные заливные луга с протоками и озерами. Прямо на западе, верстах в двух, высоченный и надменный левый

берег Оби-реки. На восток, за небольшим сухим проходом, степи с околками, раскинулись широко и вольно. И кажется, стоит над этим всем Белый Яр, как часовой, зорко глядящий, чтобы не баловали соседи и видели, есть у всей этой красоты и раздолья добрый, но строгий хозяин.

С утра Максюков, Серебренников и другие начальные люди, осматривали берег. А место было лучше не придумаешь для острога. Протянулся берег с востока на запад длиною 900 сажень, а поперек 110 сажень. Высотою 30 сажень. С севера, запада и юга огибает Белый Яр Усмар-курья, с востока подход один узкий, по краям прохода болота да протоки малые.

– Здесь Степан и будем ставить острог. Тут ему самое место, – глядя с высокого Белого Яра, сказал Иван Максюков.

– Да, брат, лучше и не найдем.

– Ну что, зачнём строить, помолясь?

– Так тому и быть Иван. На молитву воинство православное, – прокатился громом по всей пойме голос Степана Серебренникова.

После молитвы пальнули из всех пушек и пищалей, пусть знаю враги, здесь и будет крепость Русская. Поднялись от выстрелов три коршуна над Белым яром. С высоты своей кружа, оглядели людей и успокоились, вроде свои, не тронут. Установили крест на горке, чтобы все знали, что земля эта Православного Царя. Засинел берег кафтанами казачьими, рассыпался армяками крестьянскими, запестрел халатами,

ми татарскими и калмыцкими. Пошла работа!

Так и начали стоять Белоярскую крепость. Забронзовела горка телами крепкими, загорелыми, жарко, разделись по пояс казаки. Зазвенели топоры, завизжали пилы, зазвучали песни. Работали. Строили из сосны, возя её версты за две из бора. Сначала башни и стены с востока поставили. В центре стены Проездную башню срубили, ров прокопали, мосток через ров положили. За мостком ближе к проходу сухому, велижанов, корней сосен вековых, наставили. Велижаны-то не дадут с наскока, в конной лаве, врагам крепость взять. Затем южную и северную стены поставили с башнями. Ну и наконец, поставили западную стену. Рядом с северо-западной башней с горы прокопали ров к реке, в случае осады, чтобы к воде проход был. Под четырьмя угловыми башнями жилые избы наладили, для гарнизона. Внутри крепости амбар поставили и избу приказчика. Внизу, под южным берегом яра, пристань соорудили и избу с бойницами, для бережения пристани. Без малого за месяц возвели крепость и отправили десяток конных казаков с десятником, в Кузнецк с донесением.

ДОНЕСЕНИЕ ДВОРЯНИНА ИВАНА МАКСЮКОВА О СООРУЖЕНИИ ВМЕСТО КРЕПОСТИ У БИИ И КАТУНИ НИЖЕ ПО ОБИ БЕЛОЯРСКОЙ КРЕПОСТИ

15 июля 1717 г.

1717 году июля 15 дня. По указу Великого Государя за подписанием руки полковника Бориса Акимовича Синявина велено мне с кузнецкими служилыми людьми и с казачьими детьми, и с бердскими и мунгацкими жителями ехать из Кузнецка на устье Бии и Катуня и сделать город в крепком месте, и в вышепомянутом урочище осмотреть удобные места, где быть городовому строению, дабы были б места хлебопахотные и всякими угодьями предовольны, и ежели где такое удобное место сыщется, строить деревянную рубленую крепость, четверугольную с башнями. А по досмотру на устье Бии и Катуня удобных мест, крепких к городовому строению, нет и хлебопахотных земель и сенных покосов в близости малое число. А осмотрел я с служивыми людьми удобное место к городовому строению над рекою Обью, ниже Катунского устья верст 60, белый яр высокий, длиною 900 сажен, поперек 110 сажен, и от того яру в верхнюю сторону Усмар-курья и от вершины курья болото, и из того болота

источник до нижнего конца яру течет в Обь. На том месте построил я рубленую деревянную крепость мерою в длину и поперек 20 сажень, по углам четыре башни, а под башнями жилых четыре избы. А посреди крепости казенный амбар, где держать харчевые и всякие казны. А в близости того города хлебопахотных мест и сенных покосов, и лесу удобного, и рыбных ловель, и всяких угодий привольно. И оному месту и городовому строению под сим доездом чертеж. Вместо дворянина Ивана Максюкова по его прошению сын боярский, Яков Вагин руку приложил.

Часть 6

Стоит крепость Белоярская, далеко с реки видно. Золото тёсанной сосны стен и башен, на высоком белом яру, как янтарь горит на солнце. Сосны великаны на горке привыкли уже к крепости и не боятся, их не тронут. Хоть и воинский народ казаки, а красота и их загрубевшие в битвах сердца трогают. Усмар-курья обзавелась лодочками и играет ими на волнах своих. И ничего, что рыбаки сети свои раскинули, лишнего не возьмут, а возьмут, весной еще рыбы пригонит Обь-сестра старшая, поделится. Луг рядом с крепостью с удовольствием отдаёт травы свои под корм лошадей, коров и овец. Устал луг держать тяжесть травы, а тут помолодел и выровнялся, легче стало лугу. Привольно здесь и людям и животине ихней.

А в избе приказчика Степан Серебрянников призадумался. Ушёл Максюков всё же ставить острог на Бии, забрал с собой почти всех людей, Бог ему на подмогу! В крепости оставил его Степана приказчиком, комендантом по новому, и малое число казаков, сотню с небольшим, да арсенал невеликий. При самой крепости пять десятков казаков беломестных числятся, остальные по деревням и заимкам осели. А в арсенале крепости вооружения всего-то:

2 пушки больших длинною 2 аршина и 77 ядер к ним;

3 пушки малых по 3 четверти и 223 ядра к ним;

3 фузеи;

5 пицалей гладких;

1 винтовка;

7 самопалов и 27 кремней пицальных;

пороху пушечного 4 пуда 35 фунтов;

ручного пороху 6 пудов 31 фунт;

свинцу пол трети пуда;

знамя войсковое;

тридцать аршин фитилю.

Ну, понятно сабли и пистолы почти у каждого казака имеются. Пики тоже есть и саадаки со стрелами. Вот и всё его вооружение. Максюков, двигаясь до Бии, всё внимание калмыков к себе притянул. Даст Бог, крепость поставит, а там и легче Белоярской станет. Служба у белоярских казаков не сказать, чтобы тяжёлая, привычная, в разъездах да в караулах в крепости, как и у всех казаков землицы сибирской. «Не унывай Стёпа, бог не без милости – казак не без удачи», – вспомнил Серебренников поговорку Якова Максюкова. И вслух сказал:

– Не что повоюем.

– С кем это ты Степан воевать собрался? – сказал вошедший писарь сотенный Гаврила Мензелинец.

– Да так, я в обчем. Ты где ходишь, душа чернильная?

– На пристань ходил. Казаки, что на лодках в разъезд ходили, гуляющих мужиков привели. Тут еще калмыки с кыргызами шастают, а они уже землю для хозяйства ищут. Ох,

жадны мужики до земли Степан, аж ужась.

– Да ты что? Пошли, значит, землеробы и в наши края? Это хорошо, с хлебушком будем. А ты их не жури, нехай идут, земли на всех хватит и нам веселей. Запомни, Гавря, казаковать дело нужное, но без хлеборобов поперебрём мы тут с голодухи.

– Да я не что, нехай селятся лиж бы не разбойные.

– Ты им, Гаврила, за велижанами место определи. Ближе к крепости. Я слыхал Иван Юдин заимку в пяти верстах поставил, вот ты им между заимкой и велижанами земли покажи и пусть там строятся. Да, переписать не забудь.

– Добро, сделаю. Да, тут Кирилка Белых со своим отцом Фирсом, да с казаком Баюновым Иваном на реку Лосиху бегали конно. Просят землицы там, заимки поставить.

– Пусть ставят, Фирсу-то не долго казаковать, старой уже. Видать к старости на землю потянуло, навоевался старик. Разреш.

Писарь вышел, и Степан собираться начал. Задумал он ныне, взяв казаков пять, за заимку Юдина конно вёрст десять пройти, посмотреть места тамошние. Собравшись, заткнув пистолы за кушак, повесил саблю, вышел на крыльцо. От Проездной башни, в сторону арсенала шёл пятидесятник Никифор Мезенцев.

– Никифор поди ко мне, – позвал казака.

Никифор кивнул и подошёл к Серебренникову.

– Ты бы Никифор собрал пяток казаков верхами, я их с

собой возьму.

– А ты куда, комендант, собрался?

– За Юдину заимку, поглядеть, что там за места. Пусть казаки пистолы возьмут и пищальку одну, на всякий случай. Я их у ворот ждать буду.

За ворота выехали по полудню, по дороге накатанной во время постройки крепости на север к бору. За рогатками и велижанами вдоль дороги уже стояло несколько домов крестьян переселенцев и казаков белоярских. «Надо будет тыном слободку обнести. Спокойней жить за велижанами будет», подумал Серебренников. За велижановскими домами повернули налево. Через версту перешли речку вброд. Речка была неглубокая и текла извиристо в пойму Оби. Текла между холмов, поросших цветком красным, «татарское мыло» цветок этот казаки называли. Когда опускаешь цветок этот в воду и начинаешь мылить, не хуже мыла варёного отмывает грязь. «Назвать Мыльнековкой речку надо и пометить на карте», отметил Степан про себя. Став приказчиком, он неволей стал обращать внимание на всё и отмечать для себя. Потом с писарем переносили увиденное на карты. Да, не тот Степан стал, ушла куда-то бесшабашность и лихость, больше думать начал и соображать, как что обустроить, приказчик, одно слово.

– Пройдем выше на восход, глянем, что за река такая, – приказал Серебренников казакам.

Прошли еще с две версты. Выше увидели, что образова-

ли эту речку две поменьше. Луг, на котором сливались речки, весь порос черемшой, луком медвежьим. «Так и назовём, ту, что побольше и северней – Большая Черемшанка, ту, что поменьше – Малая Черемшанка», подумал Степан и вслух сказал:

– Вертай назад, до Юдина пойдём.

Через три вёрсты подъехали к заимке пушкаря Ивана Юдина. Заимка стояла по краю бора. Небольшой рубленый домик огороженный тыном, рядом городьба помене, огород от косуль и кабанов закрывает. Юдин возился с телегой, руки у пушкаря без дела не были никогда. Тут Серебренников заметил, что рядом ещё дом к постройке намечается и земля подчищена. Люди, по виду крестьяне, увидав конных казаков, остановили работу.

– Здорова дневал Иван, смотрю соседями обзавёлся?

– Слава Богу, да пришли доброхоты, говорят с Томского городка.

– Дак ты их в крепость пошли, запишем в оброчные и пусть живут.

Юдин кивнул и продолжил копать с телегой. «Молчун, только пушкой говорить горазд», подумал Степан и сам подъехал к новосёлам.

– Здорова православные, чьих будете? Да не боись, не тронем.

– Как вас не испужаться-то? Конные, да с оружием, изда-лече не понять, казаки или калмыки. А будем мы с Томского

крестьяне, там землячка-то, болота да глина, вот и ищем, где хлебушек растить. А слышали, что на Усмар-курье крепость казачки поставили, вот и пришли. Земля здесь не в пример томской, богата да жирна. Не погонишь атаман, здесь останемся.

– Не атаман я, приказчик крепости Белоярской, а прогнать не прогоню. Указ мне с Кузнецкой, людишек, кои мимо пойдут при себе оставлять и приписывать в оброчные. Как кличут-то тебя томской?

– Артемка Семаков, да жинка моя Аграфена, да сын мой Никита с жёнкой и мальцами, да дочка Марья осимнадцати лет. По дороге прибились к нам Леонтий Мякишев с братом Евдокимом да жинки с имя.

– Вы как избы поставите в Белоярскую сразу, писарь перепишет и живите с Богом.

– Спаси тя Христос! Благодарствуем!

– Трогай казаки, за мной.

Казаки неспешно потянулись за старшим поигрывая на гайками. А как же, девку служивые увидели, плечи подняли, бороды задрали, молодцы казачки, красавцы. Втянулись по дороге в бор, за спиной Серебренников услышал разговор между казаками.

– Видали братцы, кака цаца! – с восторгом говорил молодой казак Сафон Зудилов.

– Да ей годов с полста, да и мужик тя Сафон на вилы посадит! – Шутил в тон ему Степанка Кротов, – смари, мужики

те до баб жадные!

– Да я про дочку, балда ты поперечная.

– А я-то думал баба тебе понравилась. Ха-Ха-Ха!

– Тебе бы всё ржать, Кротов, а я можа жениться хочу.

– А тебе Сафонка скока годов-то, а? – не унимался Степан.

– Двадцать пять, а что?

– Дык ты новой указ царя не слышал разве? По новому указу казаки могут жениться токо после пятидесяти лет.

– Не слышал, – пригорюнился Зудилов. – А почему, так-то?

– Посля пятидесяти годов у казака сопли не пузырятся и бабы над имя не смеются!

Тут пошёл такой хохот, аж бор затрясся, ржали все даже кони.

– Ну будя лес пугать, – вытирая слёзы прохрипел Серебренников, – хватит ржать, жеребцы!

Проехали так версты четыре и выехали на большую поляну. По левой стороне поляны речка петляет вдоль бора, от речки огромная поляна версты три вширь и длинны вёрст пять будет. Поляна ровная без бугров так и просится на застрой.

– Благодать-то, какая живи, не хочу! – опять восторгался Сафонка Зудилов.

– А ты укради кралю-то и сюда жить, на ровной месте детей сподручно делать, Гы-Гы-Гы. – Опять подначил Кротов.

– А прав Зудилов-то, место под жильё славное, – подтвердил немолодой казак Василий Сартаков.

– Хорошее место, – подтвердил Серебренников, – айда казаки назад, до Белоярской.

Пошли в обрат, подмечая всё на пути. Да, места в округе Белоярской знатные и леса много и полей под пашни, живи и радуйся. Да и зверя промыслового немало, с голодухи не помрёшь.

– Голова, а голова, – услышал голос Сафона Зудилова Серебренников.

– Чего тебе, Сафонка?

– Ты разреши мне заимку тут поставить, а? Уж больно понравилось мне тут!

– Ставь, не жалко, отметь у писаря и ставь! Только сдаётся мне, Кротов-то прав, не поляна тебе понравилась, а близость к девке той. Ну да не обижайся, понравилась женись, дело доброе!

В Белоярскую въехали уже под вечер. Пока рассёдлывали коней, подошёл Мезенцев пятидесятник. Подошёл к Серебренникову и сказал:

– Калмыки появились, недалече напротив нас через Обь шатры ставят.

– Пойдем в приказную избу, там расскажешь, – и приказал казаку Дементьеву. – Расседлай мого коня и напои, не забудь овса подсыпь.

– Сделаю.

Прошли в приказную избу, зажгли лучину, сели за стол.
– Говори Никифор.

– Андрейка Расказов с казаками в речном дозоре был. Зашли в Обь и к левому берегу, там дозором они стоят. Сёдни к полудню услышали шум на берегу. Послал Расказов двух казаков проверить, что за шум. Пришли, говорят со стороны Барнаулки калмыков сотни полторы, оружные напротив Белоярской шатры ставят, костры разводят, вроде как ждут кого.

– Если ждут, это плохо, – почесал затылок Степан, – кого ещё несёт? Пошли разведать казаков, кто к ним ещё идёт. Придут, думать будем, как и что.

Зашевелилась крепость, послали за Юдиным пушкарём, казаки осматривали оружие, затаскивали лишние лодки под замок. Башни в сторону Оби оцетинились пушками и фузеями, подносили ядра и картечь к ним.

Разведчики вернулись к утру и прямым к приказчику. Высмотрели, что к калмыкам кои стоят напротив Белоярской, идут ещё сотни три конных на подмогу.

– Да дела – чесал затылок Серебренников – Если не шуганём их на левом берегу, осаду можем и не выстоять. Никифор кликни всех казаков с заимок. Пусть в крепость собираются. Полсотни в крепости оставим, другая полсотни на лодки с пищалями и фузеями. Если в утро завтра ударим, может и побегут нехристи. А если не побегут в крепости укроемся и в Кузнецкий за помощью пошлём. Пока они к пищальному

бою не свычны может и отобьёмся. С Богом братцы, за дело!

Весь день казаки собирались в крепости, к вечеру разбив людей на полусотни. Серебренников поставил Никифора Мезенцева начальным в крепости, сам возглавил полусотню для вылазки. В крепость же собрали и всех мужиков к оружию годных. Вместе с вооружёнными мужиками в крепости оставалось немногим больше сотни человек. Под утро, полусотня на лодках, по темноте пошли к левому берегу Оби. Шли тихо стараясь не шуметь. Подойдя к берегу, Серебряков собрал десятников:

– Белых возмёшь с собой десять казаков с пищалями и фузеями, и в обход по левому распадку берега. Только скрытно, чтобы вас не учуяли. Как рассветёт я с остальными поднимусь здесь и ударю в лоб. Услышишь бой сразу не встречай, обожди с полчаса и тогда пали из всех пищалей и фузей. Стрельнёшь и бросай пищальки, второй раз из пистолей бей и после того в сабли и пики. Ну давай до встречи казак.

Кирилл Белых собрал свой десяток и бесшумно ушёл в лева, где с пол версты поднимался заросший кустами распадок. Место это казаки Белых знали хорошо, не раз поднимались кустами на крутой берег Оби, посмотреть нет ли где кочевников неприятельских. Забравшись на верх справа от себя увидели костры калмыков как раз на том месте, где Серебренников с основным отрядом будет подниматься.

– Вот канавка станичники, туды пока заховаемся, – ука-

зал на овражек ближе к лагерю калмыков Белых, – как бой услышите сразу не стреляйте, как укажу бейте.

Казачи схоронились в овражке и стали ждать. Серебренников с казаками в это время медленно поднимался на берег, часто останавливаясь, уж больно крутой и длинный подъём. Сажень 150 будет. В этом то и заключалась хитрость Степана. Калмыки пешими не когда не воюют и поэтому мыслят как конники. Конник на такую кручу не поднимется, и не ждут они с крутого берега удара. Казаки же сибирские и конно, и пешими, и с лодок воевать мастаки, одно слово казаки. Ближе к краю обрыва послал голова охотников, чтобы дозорных у костров снять, что ближе к берегу. Охотники как тени поднялись наверх и через короткое время, свесилась голова Мишки Нестерова. «Могёте влезать, тихо». Казаки мигом забрались на край обрыва и начали строиться для пищального боя. Выстроив казаков в два ряда, Серебренников во вес свой громовой голос прокричал.

– Вставай косоглазья, казачью побудку проспите!

Калмыки, спросонья выбегая из шатров, не могли понять, что за шум и бежали к краю обрыва прямо на казачий строй.

– Пали братья – гаркнул Степан.

Залп пистолей и самопалов громом прогремел над Обью. Несколько калмыков упало, но основная часть уже начала хватывать сабли и ринулась на казаков. Тут прогремел второй залп. Калмыки остановились и тут казаки Серебренникова кинулись на них с пиками саблями и пошла поте-

ха. Рубились наотмашь с криками, русский мат и калмыцкая речь смешалась в одном рёве! Так рубились, что от бликов клинков посветлело на берегу крутом! Калмыки опомнились и, увидев, что казаков не много с двойной силой начали напирать. Но не дрогнули казаки и ровно держат строй. Упал Михайло Богиллов, стрела пронзила ему шею, Иван Сартаков споткнулся и получил удар сабли прямо по голове. Чуть отступили казаки, но строй не поломали. Калмыки уже конно кое-кто, кинулись в сечу. С пикой наперевес бросился казак Никита Томилин на конных калмык и пробил одного насквозь. Не успел Томилин саблю выхватить, упал с отрубленной головой. И взвыл калмык над Никитой от радости, но тут, же получил удар сабли с низу и упал разваленный почти на двое. То сам Серебренников могучим ударом развалил басурмана. На Серебренникова кинулись сразу двое калмык, одного сбил кулаком второго на отмашь рубанул. Васька Инюшев с топориком положил уже двух калмык, да зазевался и упал проткнутый пикой.

И вот тут-то и прогремел первый залп со спины у калмыков и застыли они в ужасе, обошли их урусы. Второй залп дали казаки Кирилла Белых и побежали калмыки. Тут с яростью и злобой о погибших товарищах, бросились казаки на них и погнали. Кто то из казаков успел поймать коней и уже конные казаки гнались за басурманами рубя отстающих. Три версты гнали и остановились, не догнать косоглазых да и в засаду попасть можно.

Собрались на берегу где шёл бой, посчитали потери. Четверых славных казаков потеряли в этом бою, калмыков насчитали пятнадцать убитыми да коней девять казаки в пою зашибли. Сколько поранили калмыков не известно десятков пять не менее, своих же раненых тоже четыре. Оружия собрали, сабель сотню, пик пятьдесят, кинжалов и ножей не счесть. Победа!

К Белоярску подходили на лодках не шумно, устали от боя, да и братьев убитых жаль, не до песен. С башен крепости ударили пушки салютом и встрепенулись казаки в лодках, выше головы подняли, и развернули знамена в бою у калмыков отнятые. Жаль братьев погибших, но на то они и казаки, чтобы не в постели помирать а бою честном.

На пристани встречали победителей всей крепостью. Сначала пронесли убитых отпевать, потом оставшиеся сорок шесть сошли и двинулись к крепости. Среди встречающих Серебренников увидел новых соседей Юдина по заимке и подошёл к ним.

– Ну что томской не страшно здесь, видал, калмыки шалют?

– Нет, не страшно, теперь точно не куда не пойдём. Рядом с такими казаками не что не страшно.

– Ну, смотри, как знаешь. Пашите землеробы, не бойтесь никого. Мы обороним.

– Будем пахать, и сеять, и вас казаки кормить – уже в спину уходящего Степана прошептал Артемий Симаков – Хра-

ни вас Бог войны русские!

Иван Максюков всё же поставил Бийский острог и вернулся в Кузнецк. Степан Серебренников ещё не один год был Белоярской крепости приказчиком. А за бой на берегу Оби получил нагоняй от полковника Синявина. Крепость Белоярская простояла пятьдесят лет. К Белоярской крепости относились 34 деревни, часть которых располагалась выше и ниже крепости на северо-восточном берегу Оби, и на впадающих в нее здесь маленьких речках. Сафон Зудилов взял всё таки Марью в жёны и поставил дом на заимке где и просил. Заимка Сафона быстро обрастала соседями и стала деревней Зудилово. Заимка пушкаря Ивана Юдина тоже стала деревней, позднее через пятьдесят лет, в деревню Юдина перенесли управление Белоярской слободой и деревня Юдина стала зваться Белоярская слобода. За велижанами где селили крестьян, образовалась деревня Велижановка. А казаки что остались в крепости Белоярской, за велижанами дома поставили и осели навсегда на земле этой. И пошли их фамилии гулять по земле Алтайской и называть деревни ближние и дальние.

Помните казаков первопроходцев земли Алтайской, а чтобы не забыли список приложим.

Переписная книга г. Кузнецка 1719 г.

Белоярской крепости

Пушкарь Иван Васильев

Пушкарь Федор Федоров Некрасов

Пушкарь Дементий Степанов сын Гурмагин (Дурмагин?)

Беломестный казак Яким Дементьев сын

Беломестный казак Михайло Дмитриев сын Нестерев

Беломестный казак Гаврило Константинов сын Шадрин

Беломестный казак Федор Петров сын Мамаев

Беломестный казак Андрей Филипов сын Расказов

Беломестный казак Федор Семенов сын Петелев

Беломестный казак Иван Лукьянов сын Точиллов (Тогилов?)

Беломестный казак Софон Григорьев сын Зудиллов

Беломестный казак Василий Митрофанов сын Кондаков

Беломестный казак Алексей Ефимов сын Назаров

Беломестный казак Сава Петров сын Коробейников

Пятидесятник Микифор Козмин сын Мезенцов

Беломестный казак Иван Андреев сын Баюнов

Беломестный казак Кондрат Прохоров сын Казанцов

Беломестный казак Самойло Сергеев сын Усолцов

Беломестный казак Степан Иванов сын Кротов
Беломестный казак Афонасий Иванов сын Попов
Беломестный казак Василей Семенов сын Сартаков
Беломестный казак Кирило Фирсов сын Белых
Беломестный казак Осип Иванов сын Ощепков
Беломестный казак Иван Гиргорьев сын Софонянов (?)
Ротной писарь Гаврила Федоров сын Мензелинец

Казачьи дети братья племянники

Казачий брат Иван Прокопьев сын Овчинников
Казачей сын Иван Парфенов сын Стропитенев (?)
Казачей сын Зот Борисов сын Клеевых
Казачей брат Михайла Хрисантьев сын Богилов
Казачей сын Осип Игнатъев Зудилов
Казачей сын Сава Васильев сын Инюшев

Деревни Речкуновой

Беломесной казак Степан Яковлев сын Мухин
Беломесной казак Лукьян Онтипьев сын Дуцев (Руцев?)
Беломесной казак Семен Васильев сын Бородин
Беломесной казак Иван Федоров сын Плотников
Беломесной казак Степан Григорьев сын Чашин
Беломесной казак Прокопий Иакимов сын Качюсов

Беломесной казак Оника Иакимов сын Качюсов
Беломесной казак Михайло Иаковлев сын Бернин
Беломесной казак Сидор Степанов сын Пятков
Беломесной казак Пимин Панфилов сын Кунгурец
Казачей сын Федор Васильев сын Бородин
Казачей сын Василей Дмитриев сын Пятков
Казачей сын Дмитрий Иванов сын Плотников

Деревни Сорокиной

Беломесной казак Тимофей Тихонов сын Шошуков
Беломесной казак Сава Григорьев сын Третьяков
Беломесной казак Федор Афанасьев сын Равнин
Беломесной казак Иван Кирилов сын Сорокин
Казачей сын Василей Алексеев сын Шахматов
Казачей сын Матвей Алексеев сын Устюженин
Казачей сын Михайло Исаков сын Шишуков
Казачей сын Сава Панкратьев сын Власов
Беломесные казак Гаврило Федоров сын Бобровской
Казачей брат Василей Максимов сын (?)
Казачей сын Микита Лаврентьев Усолцов
Казачей брат Сысой Аверкиев (Авдиев?) сын Поздеев
Казачей брат Антон Микитин сын Томилин
Казачей брат Василей Алексеев сын Рожиев
Казачей брат Яков Нефедов сын (?)
Казачей брат Семен Исин сын Казанец

Казачей брат Родион Дмитриев сын Кротов
Казачей брат Косма Тихонов сын Усолцов
Казачей брат Терентей Космин сын Мезенцов
Казачей брат Никон Космин сын Мезенцов
Казачей брат Федор Космин сын Мезенцов
Казачей брат Иван Семенов сын Сартаков
Казачей брат Яков Петров сын Коробейников
Казачей брат Ефим Тимофеев сын Толмечев

**Без начала и без названия.
Белоярская крепость 1719 г.**

Пушкарь Иван Васильев сын Юдин
Пушкарь Федор Федоров сын Некрасов
Пушкарь Дементей Степанов сын Бурмигин

Беломесные казаки Белоярской крепости

Яков Дементьев сын Некрасов
Михайло Дмитриев сын Нестеров
Гаврило Костентинов сын Шядрин
Федор Петров сын Мамаев скормленик Аника Давыдов
Андрей Филипов сын Росказов
Федор Семенов сын Пепелев
Иван Лукьянов сын Дягилев

Софон Игнатъев сын Зудилов
Василей Микифоров сын Кондаков
Алексей Ефимов сын Назаров
Сава Петров сын Коробейников
Пятидесятник Микифор Козмин сын Мезенцов
Иван Кондратьев сын Баюнов
Кондратей Прохоров сын Козанцов
Самойло Сергеев сын Усольцов
Степан Иванов сын Кротов
Афонасей Иванов сын Попов
Василей Семенов Сартаков
Кирило Фирсов сын Белых
Осип Иванов сын Ощеулов
Иван Григорьев сын Сивосьянов (?)
Ротной писарь Гаврило Федоров сын Мензелинец

Казачьи дети братья племянники

Казачей брат Иван Прокофьев сын Овчинников
Казачей сын Иван Парфенов сын Строителей
Зот Борисов сын Клеев
Казачей брат Михайло Крысantьев сын Бочков
Казачей брат Осип Игнатъев сын Зудилов
Казачей сын Сава Васильев сын Инюшев
Казачей брат Василей Михайлов сын Вичюсов
Казачей брат Микита Лаврентьев сын Усолцов

Казачей брат Сысой Аверкиев сын Поздеев
Казачей брат Антон Микитин сын Томин
подворник тесть ево Антонов Леонтей Никонов сын Вес-
нин

Казачей брат Василей Алексеев сын Рожнев
Казачей брат Яков Петров сын Волгин
Казачей брат Алексей Ильин сын Казанец
Казачей брат Родион Дмитриев сын Кротов
Казачей брат Козма Тиханов сын Удалцов
Казачей брат Терентей Козмин сын Мезенцов
Казачей брат Никон Козмин сын Мезенцов
Казачей брат Федор Козмин сын Мезенцов
Казачей брат Иван Семенов сын Салтаков
Казачей брат Яков Петров сын Коробейников
Казачей брат Ефим Тимофеев сын Толмачев

ПОМНИТЕ ПОТОМКИ КАЗАКОВ БЕЛОЯРСКИХ!

Слава казакам сибирским, собирателям земли Русской!

Слава во веки веков!

Белоярские казаки на Кузнецкой линии

Часть 1

Сентябрь 1739 года, беспокойно нынче на созданной в прошлом году Кузнецкой оборонительной линии. А линия эта была создана для обережения русских пограничных поселений Кузнецкой земли. Пограничная линия тянулась от Кузнецкой крепости через Бийский острог, потом по правому берегу реки Оби до Белоярской крепости и дальше по берегу Оби до Малышевой слободы. Непокойные соседи джунгары и телеуты частенько переправляются через Обь и пытаются собирать дань с тогулов и теленгитов перешедших в русское подданство. Старая калмыцкая дорога, идущая степью вдоль Касмалинского бора, не раз видела большие улусы кочевников идущих пограбить в приобье местных теленгитов и тогулов. Жившее когда-то по берегам реки Барнаулки племя кетов, кочевники вырезали полностью ещё до прихода русских казаков. Остатки кетов растворились в теленгитских и тогульских родах.

Телеутский зайсан Байгорок Табунков, выпущенный воеводой Кузнецка из плена, где по приказу воеводы мыл го-

лыми руками нужники, заявил притенении на землю где кочевал до пленения. Собрав отряд из телеутов недовольных правлением русских, Байгорок постоянно угрожал нападением на Бийскую, Белоярскую крепости, Бердский острог и Малышеву слободу. В открытую зайсан телеутский боялся нападать на русские селения, но в деревнях вокруг острогов, жители боялись далеко отъезжать от крепостей. Крестьяне говорили, что у них начал пропадать скот и что стали они встречать конных телеутов рядом со своими селениями.

В Белоярской крепости казаки постоянно находились в разъездах на дистанции, которая тянулась вверх по реке Оби до впадение в неё реки Чарыша, вниз по Оби до устья Чумыша. От крепости Белоярской до Чарышского устья 120 вёрст, до Чумышского устья 64 версты. Казачьи разъезды, по тридцать конных казаков, еженедельно выезжали на охрану линии, да ещё и посылали по двадцать казаков каждый месяц на охрану демидовских заводов в предгорье Алтая на реку Белую и Чарыш. На службе в демидовских заводах тоже беспокойно. Степняки киргиз-кайсаки часто нападали на заводские поселения и казаки Белоярска нередко вступали в стычки с коварными киргизами.

Присланная на линию в помощь казакам рота драгун поручика Фадеева, была разбита повзводно на линии и взвод присланный в Белоярскую крепость находился в основном в Малышевской слободе где казаков не было. Драгуны так же как и казаки белоярцы, постоянно находились в конных

разъездах и их разъезды встречались на устье реки Чумыша у деревни Речкуновой. В пяти верстах от Речкуновой был построен небольшой острожек с башней, окружённый частоколом, где постоянно находился небольшой отряд казаков с десятником. Конные разъезды на Белоярской дистанции осуществлялись с мая месяца по ноябрь. Зимой бегали казаки на лыжах, так как на конях не пробьешься, снегу много, да и кочевники уходили на зиму в предгорье.

Зацепилась туча за сосны белоярского мыса и льёт уже два дня без продоху. Стены и башни крепости почернели от дождя, отливая блеском мокрых брёвен. На башнях казаки караульные ёжась от сентябрьской мокроты, покрикивают каждый час. «Славен город Томск» – это с башни что над протокой обской, с западной стороны крепости, «Славен Тобольский город» – это с северной башни кричит казак, «Славен Бийский острог» – хрипло донеслось с южной башни, «Славен Кузнецк» – звонко кричит казак с восточной башни, «Славна Сибирь Матушка» – это с проезжей башни. Не спят дозорные казаки смотрят в серость дождя, не подойти врагу к крепости Белоярской незамеченным.

Уже двадцать два годочка стоит крепость Белоярская, возвышаясь над поймой реки Оби, защищая рубежи России на юге Сибири. За эти годы поубавилось набегов кочевников на землю кузнецкую, испытали басурмане силу казачьей сабли и мощь пушек крепостных. На Белоярскую крепость набегов не было, сразу как казаки крепость поставили дали бой

басурманам и видать запомнили нехристи силу белоярцев. А вот в деревнях что относятся к крепости беспокойно. Приходили мужики в Белоярск из Повалихи деревни, говорили что видали на том берегу Оби человек с тридцать калмыков с оружием, никак задумали что-то не хорошее. Комендант крепости приказчик Семён Гилёв, приказал выслать разведку за Обь из пяти казаков на лодке, до Барнаульской деревни. Ещё пятерых конных казаков отправил до Повалихи, разузнать кого там мужички видели. Остальным казакам при крепости быть, на случай если нападут кочевники.

К полудню, из крепости выехала казачья станица (конный разъезд) и не торопясь двинулась в сторону деревни Повалихи. Под промозглым сентябрьским дождём синие и коричневые кафтаны казаков намокли и сливались серостью с соснами и кустами, тянувшимися вдоль боровой дороги. Остроконечные шапки, оторочены мехом и мохнатые папахи казаков намокли от дождя и потяжелели. В станице было двое старых, матёрых казаков и трое молодых.

Старые вояки, Кирила Белых и Степан Кротов, были из тех казаков, кто пришёл с Иваном Максюковым ставить Белоярскую крепость. Белых был из волжских казаков и в Сибирь попал совсем молодым, со своим отцом Фирсом. Ватага вольных казаков, ушла с Волги вместе с семьями, от боярской власти, искать лучшую жизнь в богатой Сибири. Казаки года два промыкалась на сибирских просторах, потеряв треть повольников в схватках с местными кочевника-

ми, казаки пошли на службу к воеводе Тобольскому. Раскидала жизнь служивая волжцев по острогам и крепостям, по службам ближним и дальним. В 1714 году Кирила с батькой Фирсом попал в отряд Ивана Буткеева, ставил с ним Бердский острог. Оттуда с другими казаками попал в отряд Ивана Максюкова. Когда Максюков пошёл на Бию-реку ставить острог, Белых вместе с отцом остались Белоярской крепости.

Белых был казак среднего роста, годов шестидесяти. Черные когда то волосы и борода, поседели на службе государевой. Серые, глаза смотрели на мир со строгостью и мудростью, накопленной за годы нелёгкой казачьей службы. Молодые казаки побаивались и уважали Кирила. Старые казаки рассказывали как в одной схватке с джунгарами, Кирила попал в засаду и один зарубил пятерых басурман. Когда казаки пришли на подмогу к Белых, он уже разделался с противниками и стоял весь в крови улыбаясь. Сам Кирила никогда не говорил об этом случае, но хорошо помнил безумный оскал смерти на лицах джунгар. Помнил, как он крутятся чёртом, сбитый с коня, обезумев от отчаяния, рубился с врагами. Как одолев последнего, радовался, тому что выжил. С той схватки пошёл казак на повышение и стал десятником.

Кротов же Степан, был чуть ниже среднего роста, коренастый, светловолосый, смешливый казак. Возраста одинакового с Кирилой Белых, но выглядел молодо. Всегда неугомонный и готовый посмеяться на чем угодно. В Сибирь казаки Кротовы попали из города Рыльска, где царь Михаил

Фёдорович в 1632 году даровал им, природным донцам, за службу землю. Служили Кротовы не за страх а за совесть, оберегая границы Руси от поляков и крымчан. Так бы там, в Рыльске и остались, но дед Степана, предприимчивый Кирей, во время восстания Кондратия Булавина, возил булавинцам порох и свинец. Казаков Булавина разгромили, самого атамана, Кондратия Афанасьевича убила донская казачья старшина, а рыльского, беломестного казака Кирея Кротова схватили и приговорили к повешению. И повесили бы, да тут царю Петру шибко понадобились казаки, для службы в Сибири и заменили казнь на бессрочную службу в сибирской земле. Так со всей семьёй Кирей Кротов попал в Томск, там и помер, а сыновья и внуки пошли служить службу царскую, по острогам и землям беспокойным, азиатским. А свой неугомонный характер, от старого Кирея, казаки Кротовы так и не растеряли, и не заморозили в таёжных, сибирских землях. В Белоярскую крепость Кротовы попали с тем же Максюковым, строили крепость. Потом остались служить службу станичную, в разъездах, да дозорах.

Молодые казаки станицы, Андрейка Сартаков, Васька Кондаков и Ванька Зудилов, были уже сыновьями первых белоярцев, коренными сибирскими казаками. С малолетства, на ровне со старшими несли службу казачью – «доколе в силах».

Казаки разъезда одеты были по походному в старых выцветших кафтанах, мохнатых папахах и остроконечных су-

конных шапках, отороченных мехом. Все имели сабли и кинжалы, у каждого по ружью. Пики были только у молодых Кондакова и Зудилова. У Белых за поясом было два пистоля, у Кротова кистень и аркан притороченный к седлу.

Небольшие, сибирские кони, мелкой рысью, неутомимо бежали по боровой дороге.

– Да твою же мать! Как дождь – так на службу! Что за жизнь та такая, пёсья. – громко ругался пожилой казак Степан Кротов. – Больше тридцати годов на службе всё гоняют как щенка!

– Сколько я тебя знаю Степа, всё ворчишь да балаболишь. – Проговорил с упрёком Кирила Белых, бывший старшим в станице. – Молодняк молчит а ты всё лаишься.

– Дак молодняку и не положено, как молоко на губах обсохнет – тады пусть и говорят. – Не унимался Кротов.

– Хорош гундосить Кротов. Лучше ружьё укутай, намокнет чем пулять будешь.

Кротов осмотрел притороченное к седлу драгунское ружьё и снова заворчал.

– Приеду до дома Петьке, сыну всю спину нагайкой исполосую. Говорил гадёнышу, «Ладом укутай ружбайку, дождь на дворе». Как попало овчиной укутал стервец.

– Самому, Степа, нужно на службу собираться, а не малолетка заставляять. – Погрозил плетью Белых.

Так под дождем миновали казачьи дома за велижанами и выехали на дорогу в сторону Юдиной деревни. Молодой

казак Василий Кондаков, ежась от сырости дремал в седле, его товарищ Андрейка Сартаков шутя, не сильно приложил-ся нагайкой по крупу коня Кондакова и конь взвился свечой и помчал в галоп. Кондаков проснувшись, успел ухватиться за луку седла и проскакав саженой десять развернул коня и подняв нагайку, попёр на Сартакова.

– А ну не балуй малолетки! – грозно прокричал Белых. – Щас обоих взгрею.

– Кирила Фирсыч, так этот поганец Андюха, первый мого коня нагайкой вдарил! – С обидой прокричал Кондаков.

– Так ты Васька не спи на службе, – отъехав с дороги, боясь расправы, отвечал с улыбкой Сартаков.

– А ну замолчь оба! Ещё раз так пошутите – сам вас обоих плетью отхожу и голыми к сосне привяжу. Хай вас шутников оводы пощекотають.

Молодые казаки молча съехались и зная крутой нрав Белых предпочли ехать без шуток. Кротов молча стеганул обоих слегонца нагайкой и пробурчал.

– Кирила, а дай я им по пять плетей врежу. Всё веселей ехать будет.

– Ты угомонись тоже. – Белых погрозил кулаком. – Не равён час на калмыков нарвёмся, а вам всё шутковать. Не на свадьбу едем, в дозор, если кто забыл!

Проехав деревню Юдину казаки выехали на перекрёсток за околицей. Кротов подъехал к Белых.

– Ну и как дале побежим? По низу через Кармацкую, или

верхом через Зудилову?

– Побёгли по верху. Там бором быстрее до Повалихи дойдем. – ответил Белых.

– Забирай правей, соколики, – крикнул Кротов и первым направил коня в сосновый бор.

– Повезло тебе Ванька! – громко сказал Кандаков казаку Зудилову. – С батей увидеши!

Ехавший позади всех Иван Зудилов, молча кивнул и улыбнулся. Давно он не был у отца с матушкой на заимке. Соскучился.

– Кирила Фирсыч, – обратился к Белых, молодой Зудилов. – Дозволь вперёд поехать, к своим заскачу, а?

– Скачи Ваня. Сафону передай, нехай самовар греет, у ба-ти твоего и обсохним.

– Я мигом домчу! Сам самовар и растоплю! – Повеселев крикнул Зудилов и огрев коня нагайкой помчался вперёд по дороге.

– Эй! Торопыга! Мёду, мёду не забудь достать! – крикнул вслед удаляющемуся Ивану, Кротов.

Станица ехала среди огромных, вековых сосен, кустов малины и калины тянувшихся по краю дороги. Высокие мачтовые сосны наклонили от тяжести дождя лапы и при сильном порыве ветра обливали казаков брызгами воды. Рядом с соснами кое-где присоседились берёзы и осины и перешептывались тревожно листвой, как будто говоря – «Ну куда вас станичники в непогоду понесло»? Потихоньку дождь ослабевал.

На западе начало пробиваться сквозь тучи солнце. Уже под небольшим дождём станичники перешли в брод реку Черемшанку. Небо сжалилось над станичниками и солнце стало жарко греть намокшие кафтаны и папахи. Казаки приободрились, при солнышке-то куда веселей в разъезде. Через час дождь кончился и станица выехала из бора на большую поляну, где и была деревня Зудилова.

Деревня Зудилова была дворов двадцать пять и тянулась вдоль реки Черемшанки, окруженная со всех сторон сосновым бором. Лет двадцать назад казак Сафон Зудилов приглядел это место и женившись переехал сюда. За это время из заимки Зудилова превратилась в деревню, обросла избами и людьми. Новосёлы выкорчевали поляны под поля и огороды и зажила деревня не бедней других. Селились в Зудиловой белоярские казаки вышедшие в отставку и переселенцы из Томска городка, Кузнецкой крепости, Бердского острога и крестьяне из России – искавшие волю в Сибири. Места хватало всем.

– Проехав два дома от околицы, казаки завернули ко двору Сафона Зудилова. У ворот встречал сам хозяин, казак лет пятидесяти. Сафон Зудилов был одним из тех казаков что ставили Белоярскую крепость. Сафон через два года женился на дочке переселенца из Томского городка, выпросил землю под заимку и с тех пор жил вне крепости, но на службу выходил как и все казаки гарнизона. Уже на заимке у Зудилова родился старший сын Иван, после ещё два сына и дочь.

Так и жили казаки Зудиловы то на службе, то на пашне, то в бору бортничали, медок у диких пчёл добывали.

– Здорова Сафон! – обрадованно крикнул Кирила Белых, спрыгнул с коня и обнял Зудилова.

– Здорова Киря, односум ты мой старый, – Сафон с радостью собрал в охапку Белых.

– Ты Сафон свата то не забыл? – Улыбаясь весь рот, подходил Кротов.

– Тебя сват забудешь! Ты и мёртвого поднимешь и напомнишь о себе! Здорова Стёпа!

Молодые казаки поздоровались и скромно стояли у коней.

– Ванька! Самовар созрел? Веди станичников чаёвничать.

– Всё готово батя! Проходите казаки к столу под навес, за чаем согреетесь. – Молодой Зудилов уже в сухой одежде, (успел приодеться) повёл казаков под навес у дома где стоял стол с лавками.

За чаем казаки рассказали Зудилову куда едут. Сафон вспомнил, что тоже видел в пойме чужие конские следы.

– Я Кирила, капканы на ондатру ставил у протоки, по вдоль камыша глядь, следы. В сторону Повалихинской деревни пошли. Присмотрелся, а кони то не кованные, не наши. Думал сѣдни к обеду в Белоярскую к приказчику, а тут Ванька сын прибѣг, говорит вы сами едете искать кто шалит.

– Ты Сафон давай – ка с нами. Укажешь где следы видал. – Заговорил Белых и шутливо добавил. – Хватит за юбку жѣнину, да за плуг держаться. Ты покаместь дома – смотрю пу-

зу наел. На коня то залезешь, казак?

– Да задержится он дома то! – К казакам из избы, вышла жена Сафона, Марья, статная казачка лет пятидесяти. – Здравствуйте станичники! Он Кирила, то в лесу медок качает, то в пойме капканы ставит, то сетёшки на протоках ставит. По неделе дама то не бывает, а как свои дела бросит так и на службу в крепость собирай его.

– Здорова сватья! – юркий Кротов первый подскочил к Марье и поцеловал троекратно. – Ты всё цветёшь, любезная. Эх зря я тогда тебя сватать ездил Сафону! Надо было самому с тобой пожениться! Я бы Маня только возле тебя бы и сидел, и на службу бы не ходил!

– Да все вы казачки перекаати-поле, какая разница. Вам дом родной – хуже плена калмыцкаго! Только сабелькой махать да с ружья пулять в свет Божий! Одно слово – казаки.

– Да забирай ты её сват! – шутя проговорил Зудиллов. – Достала своим хозяйством сил нет! Говорил я ей, бабе неразумной! Нельзя мне на огороде да в поле уставать, вдруг басурмане нападут – а я уставший? Как врага победу, ежлив не рукой, не ногой пошевелить не смогу? Или ещё хуже, руки в мазолях – как я саблюку то держать буду и тебя с добром твоим обороню?

– Балаболка ты Сафон, ох и балаболка. Ладно пойду управляться. Служите уже вояки! – Марья с улыбкой пошла в сторону хозяйских построек. – Ты домой то Сафон когда явиши?

– Ты Мария не волнуйся! – ответил вместо Зудилава Кирилла Белых. – Как следы в плавнях проверим – так верну тебе и мужа и сынка. Не сумливайся!

– Ну Бог вам в подмогу станичники!

Сафон пошёл собираться и наказал сыну Ивану седлать коня. Через полчаса тронулись вшестером в сторону поймы Оби.

Часть 2

Выехав за околицу Зудилова, казаки нагнали конного тогула Барку. Барка был человек лет семидесяти и проживал в деревне Зудилова на заимке. Годов пятнадцать назад приехал он в деревню и сразу пошёл к Сафону Зудилову и попросился поселиться рядом с деревней в бору.

Сафон тогда удивился и спросил тогула, «А что это ты у меня то просишься, я здесь не хозяин. Селись если хочешь, только в Белоярскую съезди и у приказчика запишись в ясачные». На что Барка ответил, «Ты здесь первым стал жить у тебя и спрашиваю». На следующий день тогул поехал в крепость и вернувшись выбрал поляну в бору, в полуверсте от дома Сафона и построил небольшую избушку.

Занимался старый тогул зимой охотой, летом пропадал на протоках в пойме, ловил рыбу и собирал травы всякие для лечения. Ни одного жителя деревни поднял на ноги и излечил от хворей всяких. Барку уважали в Зудиловой и побаивались, многие думали что он колдун или шаман, но мальчишки деревенские часто бегали со старым тогулом на рыбалку и помогали ему собирать травку всякую. Сафон Зудилов больше других сдружился с Баркой, у него научился добывать мёд диких пчёл и другим премудростям жизни в бору.

– Здорова сосед! – не доезжая сажень пять до тогула,

крикнул Сафон.

– Здравствуй Сафон и всем казакам здравствовать и удачи на охоте! – Сильным не старческим голосом ответил тогул.

– Куда старина направился? – спросил Кирила Белых.

– На протоки, думал порыбачить, да говорят люди немирные из за Оби пришли. Посмотрю что за люди. – отвечал Барка.

– Ты старой не боишься? А ну как заарканят тебя разбойные и уволочут в степи свои!

– Я старый, меня не продашь и работать шибко не могу. Не не боюсь.

Зудилов наклонился к Белых и сказал.

– Давай Кирил возмём с собой старика. Лучше него не кто следы не читает. Да и шутит Барка насчёт старости, силица в ем как в медведе.

– Дедушка айда с нами, – заговорил с тогулом Белых. – Мы как раз по тому же делу в пойму и бегим. Ты же там все ручейки и кочки знаешь, поможешь?

– Помогу Кирила! Казакам всегда помогу. Вы мне помогали и не раз.

Белых вспомнил, как годов десять назад напали на Барку в пойме киргизы и уволочли бы тогула, но на его счастье услышали казаки шум драки и отбили Барку. Потом дивились станичники, на месте драки нашли троих убитых тогулом кочевников. «Как ты старый троих бугаёв, сумел завалить»? Но что Барка отвечал «Случайно, они с коней попа-

дали и зашиблись». Подивились казаки и с того случая ещё больше зауважали тогула.

– Вот и ладно старина! Айда станичники! – Белых первым тронул коня и казаки с Баркой последовали за ним.

Вдруг из бора выбежал огромный волкодав и с рычанием кинулся на казаков пугая коней.

– А ну цыц Табет! Свои это! – крикнул Барка.

Пёс успокоился и зарысил рядом с тогулом. Казаки с изумлением осматривали собаку.

– Вот это псина! Что твой телок годовалый! Иде ты такого волкодава урвал Барка! – с восторгом сказал Кротов.

– У киргизов за Обью поменял на нож. Шибко хороший пёс, за такого и ружья не жалко. Он у них пораненный был, киргизы думали помрёт, я выходил. Шибко хороший! Один на волков ходит не боится. Его даже рысь обходит.

– Да годов пять назад я таких у киргизов видал. Когда за Алей бегали. – подержал разговор Белых. – Я у них просил продать, да не в какую. Друзей говорят не продаём!

– Вона как! Друзей! – удивился Кротов.

– А что Стёпа, иной человек хуже пса. Собака не продаст и не убежит при беде. – задумчиво проговорил Белых.

– Так то оно так, Киря. Вот помню с Кузнецкого купцов провожал до Змеиной горы, так в степе, за Чарышом, на нас разбойные напали. Мужики, что подрядились охранять добро купеческое, все по кустам попрятались. Мы с Ефимкой Назаровым вдвоем отбивались. – ответил Кириле Белых

Кротов и замолчал.

– Ну и как? Дядька Степан, отбились? – спросил молодой Зудилов.

– Аюшки? А да, отбились. Только Назарова стрелой ба- сурмане поранили. Через неделю помер казак. Добрый был товарищ Ефимка. Мы с ним ещё Бердский острог вместе ставили. – ответил Степан.

Дальше казаки ехали молча, поглядывая по сторонам, только старый тогул что-то тихо напевал себе под нос.

В Повалиху въехали к вечеру и решили тут и заночевать. Заодно и расспросить местных мужиков, каких чужаков они видели.

Деревня Повалиха находилась в пятнадцати верстах от Белоярской крепости вниз по течению Оби. Деревня раскинулась по берегам речки Повалихи, в четырёх верстах от впадения её в Обь. Петляя по лугу змеёй, речка приютила на своих берегах незамысловатые крестьянские дворики с обязательными кустами черёмухи и сирени.

Первым здесь поселился Филип Попов с семьёй, лет двадцать назад. Следом пришёл Михайло Дедюхин с домочадцами и пошли за ними переселенцы со всех острогов сибирских, застраивая домами рубленными в связь, берега Повалихи и кромку бора соснового. Зажила, задымила печками, деревня Филипа Попова на речке Повалихе.

Казаки въехав в деревню, направились к двору Дедюхина, известного охотника на всю Белоярскую округу. Двор Ми-

хайлы находился у бора и был огорожен высоким тыном в пол бревна. За тыном лаяли собаки, разрывая вечернюю тишину громким гавканьем. Пёс старого Барки Табет, нехотя рыкнул как лев и собаки за забором завизжали.

– Ты глянь-ко! Как воевода рывкнул! Аж псы за забором испугались! – смеясь сказал Степан Кротов.

– Да, сурьёзная у тебя псина старик! – обратился к тогулу Белых.

Старый тогул с улыбкой кивнул и свесившись с седла потрепал волкодава за гриву.

– А ну, кто там балует! – послышался голос хозяина двора из-за забора. – Смори, собак спущу!

– Напугал ежа – голой жопой! – громко засмеялся Стёпка Кротов. – Мишка свои мы! Казаки с Белоярской! Отчиняй ворота, а то штурмой брать будем!

– Кротов ты чё ли? Ась? – голос хозяина из-за забора по-добрел.

– Я Мишаня! Отчиняй свою крепость, да принимай на по-стой!

Степан Кротов хорошо знал Михаила Дедюхина, вместе не раз ходили охотится на зверя всякого. Не одну ночь вместе коротали у костра в бору.

– Отчиняю станичники! – ворота со скрипом открылись и хозяин с факелом в руках встречал поздних гостей.

– Здорова вечерял Михайло! Куда коней ставить? – по-здоровавшись спросил Кирила Белых.

– Здорова, здорова Кирила Фирсыч! Сейчас сына крикну, он коников ваших определит, напоит и овса подсыпет на ночь! – хозяин крикнул в сторону избы. – Санька займись конями! Проходите в избу станичные! Милости просим!

Казак поставив коней под навес у овина направились в дом.

В избе Дедюхина было по-холостяковски уютно. Жена Авдотья годов пять как померла, завалило сердечную в лесу старой берёзой. С тех пор Михайло жил один с пятью ребяташками, старшему Саньке годов семнадцать, остальные погодки.

Большая, русская печь разделяла избу на две горницы. В первой ютился сам Михайло во второй половине обитали ребяташки. У окна стоял грубо сработанный стол и две лавки, стена у печи была с полатями, в дальнем от печи углу у окна стояла кровать. У топки печи по-сиротски стояла единственная табуретка в доме.

– Э, да тут мы все то не поместимся. – оглядев горницу проговорил Белых. – Молодняк, давай-ка все втроём к коням. На сеновале заночуете, а мы тут старые кости погреем.

Трое молодых казаков послушно вышли из избы и пошли к коням. Санька, старший сын Дедюхина увязался с ними.

– Ну как тут Мишаня поживаешь? По первому снегу на зайца пойдём? – Усаживаясь на лавку заговорил Степан Кротов.

– А чё не пойти то, пойдём Стёпа. – возясь с самоваром

ответил Дедюхин.

– Не о том спрашиваешь Степан. Ты Михайло скажи, что за люди чужие из за Оби пожаловали? – Кирила Белых внимательно посмотрел на хозяина избы.

– Дык я-то не видал что за люди. Следы видал, киригизы али калмыки пожаловали. Бог их знает! У речки Кислухи, тама и следы. Можя проходом, можя и пошарапать христиан местных. Но не купцы точно.

– Как увидел что не купцы? – спросил Белых.

– Так вона с вами тогул то не прячется. В избу зашёл, с вами смотрю катается. А енти скрытно прошли, по тропкам коровым крались, вдоль протоков да по кустам. Никак прячутся.

– И куда, думаеш шли то? – Белых зачесал задумчиво свою бороду.

– Да по следам видать в сторону Речкуновой. Мы с Филипом Поповым, туды Ваську Карпова послали. Речкуновских казаков упредить. Да к вам, в Белоярскую, человека отправляли.

– Ну вот мы и прибёгли. А что в Речкунову отправили, молодцы! Ни че найдем гостей. Так а сколько их было?

– По следам, человек с тридцать не боле. Заводных коней с имя с два десятка, следы не так глубоко как у тех, что под всадниками.

– Ладно, давайте спать. Завтре, до петухов по следам пойдем. Гаси лучину хозяин.

Казачи легли на лавки, а Барка лёг у дверей, положив под себя волчью шкуру и под голову свой замшевый мешок.

Часть 3

Утренний, осенний туман молоком окутал деревню. Казаки и тогул Барка быстро попрощались с Дедюхиным и выехали на дорогу до деревни Речкуновой. Дорога шла высоким, поросшим сосновым бором, берегом протоки Оби. Дорога известная, от Повалихи до Речкуновой тридцать вёрст. Не раз белоярские казаки в разъездах проходили от крепости до Речкуновой, где встречались с драгунами из Малышевой слободы. В небольшом острожке Речкуновой был у казаков пост сменный, где стояли по месяцу десяток белоярцев со старшим десятником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.